

18+

Николай
Владимирович
Андриенко

Н

Николай Андриенко

Н

<https://litres.ru/74395157>

ISBN 9785006961388

Аннотация

Роман о подростке, который научился философии и триумфальным шествием пошёл разносить свое сознание. Пробная версия, полная версия выйдет следующей книгой под названием» Товарищ Император»

Содержание

Товарищ Император	5
2	14
3	25
4	31
Д: И?	37
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Н

**Николай Владимирович
Андриенко**

© Николай Владимирович Андриенко, 2026

ISBN 978-5-0069-6138-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Товарищ Император

1

— Ну что?

— Время умирать...

Ничего не произошло. Ни доли сомнений, ни противоречий, ни искры печали. Только голова налилась тяжестью, точно опухла от мыслей. «Ещё одна преграда на пути?» — мелькнуло у него.

— Зачем так сразу — эксцентрично, трагедия? — скривив улыбку, сказала она. — Мы же нормально общались, и дальше бы всё так и осталось.

У этой девушки была странная привычка, защитный механизм: когда происходило нечто из ряда вон выходящее, она кривила губы, точно птица, хищная птица.

Остановился автобус.

На серовато-синем небе начинал проявляться закат. Город был погружён в своё спокойное, размеренное течение. Скоро по улицам потянутся уставшие люди, измождённые работой и добитые внутренними трудностями. Серость — единственный цвет их спектра.

Идут они, точно за чем-то, за каким-то невидимым символом.словно муравьи по натянутой струнке, один за дру-

гим, не видя ни других, ни, быть может, самих себя.

Казалось, весь мир застыл на перепутье, а люди все шли и шли, не перешагивая ни в полную тьму, ни в яркий свет.

Из автобуса вышел человек. Он шагал с приподнятой головой, устремив взор на небо. Он был уставшим, особенно морально, но тем не менее чувствовал гордость, но не просто гордость, а тихую гордость полководца, выигравшего ключевую битву. Сегодня прошло награждение, это в очередной раз обратило в бегство скептиков, еще на шаг приблизило его к заветному триумфу. Он точно знал: завтра принесет новые стратегические задачи, и он будет к ним готов.

На улице стояла прохладная погода. Атмосфера фиолетово-синих сумерек компенсировала давящую усталость дня. Вернее, многих дней, ведь такая усталость накапливается только после долгого периода борьбы, в частности, с самим собой.

Наконец войдя в свою квартиру и распахнув перед собой все возможности, то есть, отодвинув всех и вся, человек стремительным маневром занял стратегически важную позицию и погрузился в заслуженный отдых.

Обычно в такие дни не хотелось делать ничего (особенно ученикам). Если бы не одно обстоятельство: день стал знаменательным. Завтра будет окончена четверть.

Нет ничего, что могло бы так обрадовать неискушённого школьника, как возможность вырваться из злополучного круга ада. Настроение взлетело до небес. Его тревожило и

одновременно будоражило одно-единственное: ещё не осознанное чувство, пробившееся из самых глубин души. Наконец-то, должно было случиться нечто масштабное! Разумеется, масштабное относительно привычного темпа жизни.

Пребывал в этих великих суждениях Н, воодушевлённо развалившись на диване, и уже порядочно отдохнув. В его смысле это было отдыхом, хотя по большей части он занялся активной деятельностью по выполнению плана. Обитал Н в своей не менее великой комнате, небольшой, недавно отремонтированной, но уже заставленной всем, что пронизывало его мысли. Почему великой? Всякий, кто сюда заходил, готов был рухнуть, сражённый горами книг, написанных великими людьми, и полкой, что чудом держала эту громаду. Стоит заметить, что он, пренебрегая всей логикой и здравым смыслом (или, как он выражался, бросая вызов судьбе), спал и проводил всё своё время на кровати, расположенной прямо под этой полкой.

Сложно говорить о таких личностях, как лежащий перед нами персонаж. В принципе, о человеческой душе можно рассуждать бесконечно, чтобы в конечном счёте не найти ровным счётом ничего. Полный ноль. Изучать её под микроскопом, разбивать все попытки о скалу и так не найти под этой горой огранённый алмаз... Большой глупости и представить было трудно! Смотреть на предмет и говорить, что его нет!

Н предавался подобным размышлениям, причем доволь-

но часто (конечно, не вслух — сходить с ума ему было ещё рано). Но что ему точно пора, так это представиться. Первое впечатление каждый уважающий себя человек должен уметь произвести сам. Даже если оно будет ошибочным, эгоистичным и даже противным, глубоко внутри он обязан сиять!

«Я, Н, первый отличник (ничего не зубрил), великий стратег (наиграл в стратегии несколько тысяч часов, в частности, в „Хойку“), главный косплеер Наполеона и gdh всея Руси! И просто — Товарищ Император!»

После таких представлений окружающие спасались бегством от этого сумасшедшего.

Шутка.

На самом деле он ни с кем почти так не представлялся, но вполне можно сказать, когда он репетировал такие сцены, в душе ему было сказано сиять, и он сиял.

Мы не дадим ему имени, но дадим образ. Высокий рост, средние физические данные. Попроси его описать себя, и он, не моргнув глазом, выдаст описание Аполлона.

Но будем судить по фактам: средний человек, высокого роста. Если он и вызывал симпатии, то возможно, не из-за внешности. Однако, подобно тому как его рост не соответствовал его кумиру, так и его колоссальные амбиции противоречили той оболочке, в которой он был заключён.

За окном, в начинавшем сгущаться вечере, фонарь у подъезда мигнул и зажёгся тусклым светом. Его пятно на снегу было похоже на пролитую краску, ядовито-жёлтое посреди

всеобщей синевато-серой мглы. Снежинки кружили в этом свете, точно мошки, летящие в надежде на тепло. Где-то далеко, на другой улице, коротко просигналила машина, словно вздохнув от усталости. Город готовился к вступлению во тьму, равнодушный к чьим-либо внутренним триумфам.

Раздался звук. Пришло уведомление, которого он нехотя ждал.

Привет.

Как ты?

Привет.

Нормально.

И так на протяжении всего дня. Постоянно. Ему это не было противно или неприятно. Чувство было похоже на нечто среднее между разочарованием и интересом.

Ему писала подруга, из-за которой он был в телефоне всё время, пусть даже и в небольшой вред своему развитию. До этого одно полушарие его мозга было занято планами по захвату мира, а второе — изучением книг и теорий. Разумеется, всё это происходило в его комнате-храме.

Разговоры ни о чём раздражали его, но даже из такого общения можно было что-то построить. А в «материалах» Н очень нуждался: ему не хватало того моста, перейдя, через который, он воспарит и засияет так, как виделось в его планах.

Он ловил себя на том, что ждёт не этих сухих «при-

вет-как-ты», а тех самых, смешных. Ждёт её очередной — даже не странности, а просто беседы, затмевающей серую действительность и позволяющей воспарить.

Однажды, написав ему, уже не помня, как, но точно не привычным «Привет», она завлекла Н в трёхчасовой разговор. Разумеется, Товарищ Император не мог не явить все свои ипостаси, но девушку это вряд ли интересовало. Выразилась она словами: «Ты несерьёзный». Что совсем не оставляло, но очень даже стопорило Н. И такие, пусть даже частые и пустые, «материалы» давали некий отдых от его реальности.

Но как это сочеталось: наполеоновские планы, кипящее рвение и эта внутренняя, хорошо скрываема замкнутость? Ответ, как всегда, был один: «Товарищ Император». Это прозвище, родившееся в лагерной атмосфере вседозволенности и творчества, стало не просто шуткой, а точным символом его внутреннего устройства. Экстравертом он не был никогда, так как он был правителем одиночества, монархом собственного внутреннего мира, выходящим к подданным лишь по особому случаю. Правда, не сказать, что таких случаев он избегал. Даже искал.

А что происходило с его взглядами, можно было застрелиться: логически обоснованные, но тем не менее безумные, переходящие из хаоса в определённость, и всё это за один день.

Дверь в квартиру распахнулась с привычным глухим сту-

ком, впуская внутрь вечерний воздух и родителей, только что приехавших на машине с работы. Их лица были точно масками усталости, на которых читалась вся тяжесть прожитого дня.

— Как день? — бросил отец, не глядя, вешая куртку на вешалку.

— Нормально, — автоматически откликнулся Н.

— Ужин на плите, — раздался из кухни усталый голос матери. — Разогреете.

После кратких, вымученных приветствий они, так же, как и Д, словно уходили в себя, растворяясь в пространстве квартиры. Словно в их ежедневной программе всё было распланировано с точностью до минуты и до действия: разуться, повесить куртки, разойтись по комнатам. Каждый вечер один в один. Всё изо дня в день было точно по сценарию, даже ссоры возникали с цикличностью приливов, по накатанной колее обид и невысказанных претензий.

Н воспринимал их присутствие как бесполезную, но неизбежную стихию. Они были, и не быть не могли (как минимум потому, что были главным центром создания Н, тем фундаментом, который он одновременно отрицал и на котором стоял). Но тем не менее все их действия были, будто без жизни механическими иллюзорными, что невероятно бесило Товарища Императора. Этот домашний театр абсурда, где все играли роли «нормальной семьи», был для него хуже любого открытого бунта.

Ему приходилось поддерживать этот спектакль по многим причинам: из вежливости, из страха нарушить хрупкое равновесие. Но, возможно, самая главная причина была в том, что в глубине души он воспринимал их как таких же строителей, как и он сам, отчаянно, хоть и бессознательно, пытающихся вырваться из серой действительности. Он видел, как мать с упорством, достойным лучшего применения, выстраивала из баночек со специями и идеальной чистоты на кухне подобие крепости от хаоса. А отец возводил свою цитадель из мягкого молчания, которое и превозносило его и убивало. Их стройка была тихой, отчаянной и обречённой.

Да, у них не получалось. Возможно, они уже и не хотели. Но разве в праве он, Товарищ Император, отнимать у них эту призрачную возможность, эту искру, которая в теории, даже самой безумной, всё же могла когда-нибудь вспыхнуть?

Примерно такие мысли, тягучие и беспокойные, преследовали Н уже в самом конце дня, когда нормальные люди давно спали. Наш же герой грезил о своих планах, принимающих тотальные, несовместимые с реальностью формы. Однажды он с маниакальным упорством запланировал прочесть пятьдесят тысяч страниц за рекордные сроки, воображая, как его разум, поглотив океан знаний, вспыхнет сверхновой, озаряющей мир. Но получил он лишь раскалённый шар боли в висках, белую пелену перед глазами и горькую уверенность, что лучше качество, чем количество.

Была и другая тёмная сторона его ночных размышлений.

Иногда, точно на невидимые, вбитые в плоть реальности колья, он натыкался на мысли, от которых вся его хрупкая, выстроенная за день философия рушилась прахом, обнажая незащитное нутро. «Какой смысл в признании чего-либо, даже смерти, если всё равно больно и ничего не изменишь? Всё тленно, всё бессмысленно», — думалось ему, и в горле вставал холодный ком, а веки наливались свинцовой тяжестью.

Последняя тема, тема невозможного, волновала его особенно остро. В принципе, невозможные вещи манили его, как магнит. И если он сталкивался с чем-то, что не мог покорить, обуздать, понять, это вызывало в нём яростную, всепоглощающую ненависть ко всему сущему. Он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, и это единственное, что он мог контролировать в эти минуты абсолютного бессилия.

И вот, пройдя сквозь густую, колючую завесу ночных мыслей, через фазы мании, боли и ненависти, его измождённый мозг наконец получал заслуженный отдых. Не как капитуляция, а как стратегическая пауза, перегруппировка сил перед новой битвой. Битвой с тем же миром, но в который он с каждым днём вступал во всё более новых и сложных реалиях. Он засыпал с одной-единственной мыслью: завтра. Новый день.

Пока одно из этих «завтра» не станет днём его окончательного триумфа.

Сквозь предрассветную тьму, цепляясь за островки света у фонарных столбов, по протоптанным в единый кровеносный путь тропам двигались ученики. Они шли на свет школьных окон, не спасительный, а принудительный, как сигнал тревоги. Каждое утро они мысленно корили себя за то, что не остались под тёплым одеялом выдуманной болезни. Этот путь был ритуалом покорности, где бунт рождался в формате справки от родителей.

Школа встречала их ярким светом люминесцентных ламп, ослепляющим, для не подготовленных глаз, хирургическим светом, вскрывающим все ночные иллюзии.

Но в этом здании стояла другая невидимая реальность, стопорившая его работу, изнемогающая в первую очередь учителей — бюрократия. Она была не просто ржавчиной, разъедающей систему. Она была её новым скелетом, её парадоксальной душой.

Этот Обелиск Просвещения, возвышался как величественный монумент, указывающий путь к знанию. Но чем выше был его шпиль, тем длиннее становилась тень, которую он отбрасывал. В этой тени и ютилась реальная школьная жизнь: не в сиянии вершин, а в сумерках формальностей. Сам Обелиск оставался недостижимым идеалом, в то время как у его подножия ученики и учителя блуждали в лабирин-

тах отчётов и инструкций.

Бюрократия создавала свою собственную реальность, точную копию жизни, но лишённую её сути. Как эти яркие лампы имитировали солнечный свет, так и бесконечные отчёты имитировали образовательный процесс. Всё живое и спонтанное немедленно облекалось в форму, протоколировалось и подшивалось в папку под названием «Рабочие материалы». Ученики не познавали мир — они осваивали искусство соответствовать критериям.

Это была идеальная иллюзия: снаружи — движение, шум, кажущаяся жизнь, а внутри — мёртвый круговорот бумаг, где каждая квитанция о проведённом мероприятии была надгробным памятником настоящему образованию. Бюрократия, как злой демиург, создала мир-симуляцию, где ценилась не суть, а её документальное подтверждение.

Но даже в этом выхолощенном пространстве оставалось поле для битвы. Для таких, как Н, школа была не запретом, а полигоном. Не самой удобной местностью, но не полководцам выбирать поля сражений. Здесь можно было оттачивать стратегии, изучать слабые места системы, учиться отличать формальное от настоящего и вести тотальную пропаганду своих идей. Эти стены были его песочницей перед штурмом большого мира.

За окнами погода пребывала в нерешительности, словно и сама ещё не проснулась. Ей только предстояло явить свой новый образ миру.

А коридоры школы тем временем жили по своим, особым законам. Воздух густел от запахов пальто, школьной столовой и детского хаоса, который не запретит ни один устав. Потёртый линолеум хранил в своих царапинах следы тысяч таких же утренних спешек. Это был целый мир в миниатюре, уставший, суетливый, но неумолимо живой.

— Привееет, наконец ты вышел! Как прошло награждение? — спрашивали его лучшие друзья, команда из трёх человек, верных «имперцев», как он их называл!

— Прекрасно, — еще не проснувшийся, усталый, но уже с небольшой хитрой улыбкой, мелькнувшей точно ради образа, он сидел за партой, снова ожидая, когда уже закончится день, а с ним и четверть. — Награждение вообще супер, хотя могли и получше. Но суть не в этом, главное — это знак, еще один знак, что близок день моего триумфа!

— Началось... — проговорил один из его самых частых слушателей и по совместительству лучший друг, h.

Наслушавшийся уже обо всех планах Н, он, тем не менее, никогда его не перебивал.

Начиналась ежедневная речь Н. В ней рассказывалось, как у него всё хорошо, а если не хорошо, то скоро будет, ведь «нехорошо» быть не может, «нехорошо» не прописано у него в плане. А еще:

— Мне благоволит судьба!

Это была его частая фраза.

— Это всё очень интересно, — думалось его друзьям. Хо-

тя на самом деле они хотели сказать ему:

— Ты немного... План... в нём мы не участвуем.

— Мне твои истории уже..., одна история лучше другой.

Но это были лишь временные импульсы раздражительности, которые, скорее всего, он вызывал специально. Вместе они всегда были дружны, общались и ждали всю компанию в конце дня.

— Я вам говорю, — начал Н, — следующий год точно будет годом моего триумфа, все знаки налицо! — Приближался Новый год, и в сумме с общим воодушевлением его мотивировали амбиции, а эго маячило сверху.

— И какие же? — h выдохнул, уткнувшись взглядом в узор на парте. Энтузиазма в его голосе было ровно столько, сколько нужно, чтобы поддержать разговор, но не дать ему разгореться сильнее.

— Позавчера со мной познакомились! — Н ударил кулаком по столу, заставив вздрогнуть соседей. — Для организма, три года пребывавшего в режиме стратегического планирования, это акт дипломатического прорыва! Вчера наградили! — он уже вскочил, и его тень накрыла h. — За победу в конкурсе, о котором я, как истинный творец, даже забыл! Разве это не доказательство? Судьба не просто благоволит — она работает по моему графику!

— Это точно чу... — слово вырвалось произвольно, сорвавшись на полтона выше. Он осекся, и по его лицу пробежала тень. Словно на секунду он увидел не парту перед со-

бой, а что-то иное. Глаза его стали пустыми и холодными. — То есть... всё по плану, — уже тише, с металлом в голосе, закончил он, отведя взгляд.

— Ты, кстати, уже готов?

— Точно... сегодня же опять в школу идти...

— Ага, вечером дискотека.

— Я, как настоящий Чацкий, разочаруюсь в обществе и уеду с этого недо-бала! — он откинулся назад с трагическим видом, прижимая руку к сердцу, конечно, для шутки — Карету мне, карту!

Его взгляд снова загорелся.

— Хотя, ладно... — он махнул рукой, отменяя собственный побег. — Я думаю, сегодня судьба мне тоже будет благоволить. Всё, что я задумал, обратится в успех!

И в тот миг, произнося эти слова, он видел уже не классную комнату, а нечто грандиозное. А его друзья видели его уставшего, немного нелепого, но безгранично в себя верящего. И в этом была своя, особенная правда.

За окном класса, на голой ветке старого тополя, сидел дрозд. Он ожесточённо долбил клювом замёрзшую красную ягоду, приставшую к коре. Ледяная корочка с хрустом поддавалась, птица торопливо глотала холодные крошки, потом замерла на мгновение, настороженно склонив голову набок. Предчувствуя находящийся момент урока, птица вспорхнула и улетела в парк.

Прозвенел звонок на урок.

После очень интересного и активного сидения за партами, Н вновь воссоединился со своей командой в коридоре.

— Было бы интереснее, не будь так скучно, — проговорил h, закрывая глаза ладонями.

— К сожалению, — поддержал его Н, прислонившись к стене. — Если бы не конец четверти, я бы лучше застрелился. Фигурально, разумеется. Пушки пока только в моём арсенале планов.

— Да ладно тебе, хватит страдать, — ткнул его в плечо Л. — Пошли развеемся. h, ты тоже с нами.

— Наконец-то, хоть повеселимся, — ответил Л, один из имперцев, которого представить можно и чуть позже. — А то я уже начал видеть формулы на стенах.

Распахнув двери класса, они вышли в коридор. Н, как обычно, не удержался от сравнения:

— Мы как три мушкетера!

— А кто д'Артаньян? — как-то раз спросила учительница, ведь их было только трое.

— Меня и за двоих можно считать, — отвечал Н. — Оно в принципе так и есть. Даже за троих.

И ходили они в одном и том же направлении, наматывая круги по всей школе. И хождение это было — как минимум в представлении Н — очень эпичным. Главную функцию (немного отвлечься) оно выполняло превосходно.

— Знаешь, в чём сила нашей империи? — философски заметил Н, обходя группу пятиклашек. — В разведке. На

каждом этаже со мной так или иначе здороваются. Моя агентурная сеть раскинулась на все классы.

— Сетью-то раскинуло, а толку? — усмехнулся Л. — В прошлый раз твой «агент» из параллели дал задания, и они не сошлись.

— Погрешность! — парировал Н. — Вспомни. Были и удачи.

Шумные коридоры поглощали все звуки, и это было удобно. Втроём они отлично слышали друг друга, в то время как их собственные голоса терялись в общем гуле.

— Ну что, пойдем сегодня в парк? — спросил Л, всегда желавший гулять, даже если место было не самым безопасным. — Я видел неподалёку такое местечко...

— Пойдем, но не в твоё «местечко», — покачал головой Н. — В прошлый раз у нас не прям чтобы всё как надо прошло.

— Точно, — кивнул Н. — У нас мало времени сегодня, а вот в парк — в самый раз. Если успеем, конечно.

— Смотрите, — кивнул Н, указывая на школьника, ко всем подходившего с навязчивым предложением.

— Переходите в этот банк, — подошел он к их тройке. — Введите мою ссылку, и получите деньги!

— Что этот сумасшедший хочет? — спросил Н.

— Ты что, не в курсе? — удивился Л. — Им за приглашение друга деньги дают. Капитализм, детка.

— Меня уже три человека так спрашивало, — с раздражением сказал Н. — «Не хотите в наш банк?»

Безумный школьник, не получив ответа, побежал дальше агитировать весь этаж, включая завуча.

И с холодным отвращением наблюдал за агитатором.

— Смотрите, — его голос прозвучал звеняще-чётко, — апофеоз системы. Думает, что он зарабатывает, и в целом, оно так есть. Он продаёт... только не товар, а себя и своих друзей.

Он сделал театральную паузу, обводя друзей взглядом пророка.

— Вот, — указал он на разбегающихся от агитатора людей, — типичный пример капитализма. Да, банк, может, и хороший, и удобный... Но такими темпами сначала они будут рекламировать оружие, а потом так же легко продадут и кого-нибудь из своей семьи. — Он говорил с видом пророка, обличающего пороки мира.

И воздел палец вверх, его глаза горели.

— Но самое страшное — они заставляют нас торговать друг другом! Они превращают саму человеческую близость в разменную монету! Это цифровой каннибализм, где мы поедает друг друга за электронные конфетки!

Его голос гремел, хотя он говорил негромко:

— Запомните: сегодня вам, даже не замечая этого, дадут право продать место другу, а завтра — ваше будущее. А когда-нибудь так же легко продадут и вашу совесть, потому что для них всё имеет цену, и ничто не имеет ценности.

Он замолчал, дав словам осесть в сознании друзей. Даже

Л, обычно скептический, смотрел на него с невольным уважением.

— Или ты немного преувеличиваешь? — усмехнулся Л.

— Нисколько! Я может и император, но в первую очередь — товарищ.

— Так выходит, ты коммунист? — уточнил Л.

— Нет. Я есть всё, и я есть ничто... Я есть парадокс хаоса..., — начал было Н новую речь, но был прерван.

— Привееееет! — Проскользнув из-за угла, встретила их А.

— Привет, — немного смягчив тон, но стараясь это скрыть, ответил Н. — Как ты?

— О, а это твоя новая знакомая? — с ухмылкой проговорил Л. — А ты и нам ничего толком не сказал.

— Ой, а вы друзья Н? — оживилась А. — Меня А зовут, очень приятно! Как вы вообще?

— Было бы отлично, если бы не хотелось так домой, — честно признался Н.

— Я уже сама устала, — вздохнула А.

Начался разговор, который поддерживали в основном А и Н. Имперцы, обменявшись понимающими взглядами, сделали вид, что увлечены обсуждением «важного тактического манёвра», и постепенно отошли в сторону.

— Ладно, император, — хлопнул Л Н по плечу. — Мы пойдём к оставшемуся имперцу.

— Да, не вздумай провалить дипломатическую миссию,

— добавил h с характерной усмешкой.

— Опять ливень, наверное, будет, — сказала А.

— Я всё же более чем уверен, что будет снег, — согласился Н, отодвигая телефон. — У тебя зонт-то есть?

— Забыла дома, — она пожала плечами. — Думала, пронесёт.

— Могу одолжить свой, — он показал на сложенный зонт в рюкзаке. — Мне недалеко идти.

— Спасибо, — на её лице мелькнула лёгкая улыбка. — А ты не промокнешь?

— Куртка непромокаемая, — уверенно, но без привычной гордости сказал он. — Выдержит небольшую осадку.

Они общались на отвлеченные темы, пока не прозвенел звонок.

Когда А ушла, Н на мгновение застыл у окна, наблюдая, как все же начинает падать снег. «Любопытно, — промелькнуло у него. — Она всегда находит повод заговорить. То дождь, то... то ещё что-то незначительное. Что она в этих разговорах ищет?»

Он вздохнул, разглядывая своё отражение в запотевшем стекле.

«Может, ей просто скучно. Или я кажусь тем самым, с кем можно пообсуждать всякую чепуху. В конце концов, у неё есть настоящие друзья: те, с кем она смеётся громче и чаще смотрит в глаза.»

Повернувшись от окна, он мысленно отмахнулся от этих

размышлений. Неважно. Пусть общается, если ей так нужно. В конце концов, даже императору иногда нужны простые беседы между битвами. Хотя в последние время таких разговоров было чуть больше, чем ожидалось.

Н поднял трубку, предупредил, что он уже идёт, «пусть в доме все готовятся».

Был зимний день. Наряду с довольно красивыми, можно даже сказать, зимними пейзажами, вблизи валялся чёрный снег в разы превышавший по количеству белый. Несправедливо.

Вместе с ним домой шли его подруги, в том числе постоянная его раздражительница, писавшая через каждую минуту. Конечно, шёл он, не толкаясь, ведь на улице был лёд, но даже если бы его не было, Н и так бы не толкнул их, даже если бы толкнули его. Принципы были у этого человека довольно высокие.

Относительно.

Завязался разговор.

— Так с кем ты постоянно переписываешься? — спросила Д. Она была если не самой близкой, то уж точно самой настойчивой его подругой. Раньше ей было не добратья: в школе их миры редко пересекались. Но сейчас, за пределами школьных стен, её право на допрос казалось ей абсолютным.

— С тобой же, — парировал Н, не глядя.

— Неправда! — вспыхнула она. — Я как ни открою месенджер — ты «в сети». А на мои сообщения отвечаешь с задержкой!

В сознании Товарища Императора, как бравого «хойщика», кроме цитаты: «Женщина? А сколько у неё дивизий?» — сразу стал всплывать образ боя. Но Товарищ Император понимал, что некоторые сражения не стоят ресурсов, особенно против собственных союзников (даже если они не самые лучшие). Да и, в принципе, как-то не хотелось ему увиливать и обманывать её... по многим причинам... или не мог.

Помнишь ту девочку, что играла ангела на празднике? — капитулировал он, чувствуя, как совершает стратегическую ошибку.

— Помню, — ответила Д, и в этом одном слове послышался лёд.

— Так вот... Мне кажется, она проявила ко мне некоторый интерес. Познакомилась. Прямо в том самом... ангельском обликии. — Он мысленно одёрнул себя за проскочившую было поэтичную слабость. Никаких «сшедших с небес». Только факты. — Зовут А.

— И что, она тебе понравилась? — голос Д стал ровным и опасным.

— Внешние данные вполне соответствуют высоким стандартам, — отчитался Н, отгораживаясь канцеляритом. — Но в текущей оперативной обстановке — у меня кучу других дел (уже обычным голосом проговорил он).

Оставшуюся часть пути Д молчала. И эта тишина была гуще и выразительнее любого разговора.

Спасаясь от подобных разговоров, Н перестроился к своим верным имперцам, которые шли теперь строем, словно эскорт полководца после неудачных переговоров.

— Да... Задал ты задачку, — начал Л, верный имперец, чуть ниже ростом, чем император, со светлыми волосами и таким же стратегическим, но куда более прагматично-приземлённым взглядом на вещи. Он был главным интендантом в этой армии, тем, кто переводил манифесты Н на язык конкретных действий и снабжал её «сухпайком»: будь то чипсы или трезвая мысль, призванная дать кипящему разуму императора передышку. — Что ты с ней вообще возишься? Может, лучше стратегические мощности направишь в «Хойку»? Там хоть алгоритмы предсказуемые.

— Или хотя бы направлял бы их более... скрытно, — с лёгкой, но чёткой претензией перебила его К. Бывшая затворница, раскрывшаяся благодаря стратегическому гению Н, она теперь была его главным «политработником», весёлой, доброй и пытавшейся привить ему каплю человечности. — Я же тебе говорила, тут твоя стратегия как танк на хрупком льду. Проходишь пару метров и проваливаешься. Тебе бы просто по-человечески общаться, а ты — «тактика», «манёвры»...

— Общение-то как раз и получилось, — невозмутимо вставил Н, его спокойный голос стал основой в этом хаосе. Он шёл, засунув руки в карманы, его веки были припущены, словно ему было скучно, но на самом деле он видел и

слышал всё. Он был живым архивом их дружбы, молчаливым наблюдателем всех взлётов и падений Н. — А вот дальше дело, как видишь, пока не пошло.

Н, тем временем, мысленно переваривал свой диалог с Д (и с облегчением увидев, что она с подругой уже скрылась за поворотом), наконец, вступил в разговор:

— Всё это — отлично и даже прекрасно! — Он на секунду оглянулся через плечо. — Но, во-первых, ещё всё впереди, я в этом уверен, а во-вторых, у нас полно других, куда более великих дел...

Стрельнуло. Ударило. Мысль, точнее, целая система мыслей, озарила его сознание, как внезапная молния в ясный день.

— Как?! Вы что, не видели?! — он остановился так резко, что Л едва не столкнулся с ним. — Только что! Я всё понял! Всё!

— Что, можно наконец заняться чем-то привычным и краткосрочным? — с надеждой переспросил Л, всегда стремившийся вернуть блуждающие мысли императора в более полезное, как ему казалось, русло. — Я напоминаю, у нас в этом году экзамены...

— Она! — Н схватил h за рукав, игнорируя Л. — Срочно! Ты же её видел. Она была сегодня весь день такой... грустной?

h медленно перевёл на него свой тяжёлый, понимающий взгляд.

— Та нет... Как обычно. Невесёлая. Но гордая. А вот сейчас, после вашего разговора...

— Да-да-да-да! — зашептал Н, его глаза горели блеском. — Всё меняется! Пазл сложился! План готов, я же говорил, что сегодня произойдёт нечто масштабное! Триумф близок, и случится он именно сегодня!!!

— Или же ты просто себя перенакрутил, — осторожно заметила К, сканируя его лицо на предмет признаков безумия. — Но... кажется и правда у тебя все получается.

— Ладно, после успеха точно расскажу! Л, h, встречаемся у Камня через час! — скомандовал Н, уже мысленно находясь на поле грядущей битвы.

Разойдясь в трёх направлениях, они оставили позади «Камень» — огромный валун у дороги, служивший им и пунктом снабжения, и местом сбора войск, и молчаливым хранителем их тайн.

Стоило лишним глазам скрыться из виду, как ноги Н понесли его самого, подхваченные невидимым ветром. Он не бежал — он парил над землёй, движимый странным, новым чувством.

Это было незнакомое ему возбуждение триумфатора и негнущая грусть. Это было... бесчувствие: ясная, холодная пустота на взлёте. Веселиться было нечему. Но и печалиться тоже. Был только План.

И тут, посреди этой спешки и ясного Плана, его накрыло волной холода. Внутри стало так холодно, что он весь за-

дрожал. Этот мороз шел не с улицы — он поднимался из самой глубины, из той пустоты, которую он всего минуту назад принял за волнение.

И он почувствовал, как его сомнения, начали медленно разрушать крепкую стену из громких фраз и грандиозных замыслов, которую он так тщательно выстраивал.

Бред.

Вновь воздвигнув в своей голове себе защиту, Н воодушевленно побрел домой.

Впервые за долгое время он чувствовал себя не актёром в собственной пьесе, а её режиссёром.

Все разошлись: каждый своим шагом, со своими мыслями, своей судьбой, чтобы в разное время встретиться вновь в этот же день.

Пока мысли подростков металась между планами и тревогами вечера, город жил своей размеренной жизнью. Редкие машины упрямо бороздили улицы, разбрызгивая по обочинам что-то похожее на новогодний снег. Прохожие, пряча лица в воротники, торопились к теплу своих домов, спасаясь от крепчающего мороза, который с каждым часом сковывал всё крепче. Чувствовалось, что совсем скоро наступит тот переломный миг, когда мороз окончательно победит, и мир замрёт, являя собой молчаливую картину подлинно зимней красоты.

— Сегодня мы, кажется, почти весь день проведём вместе. Это даже радует, — проговорил Н, шагая вместе с Л по дороге домой.

— Точно, — подхватил Л. — После всей этой дистанционки и разлук... Не забывай, я ведь не так давно вернулся. — Он сделал небольшую паузу. — Я даже скучаю по нашим прошлым похождениям.

Был ещё только день, но из-за давящего ожидания грядущих событий им уже хотелось спать.

— Ты заметил, как Н изменился? — начал Л, и в его голо-

се прозвучал необычный жар. — Уезжая, я точно не оставил его таким. Даже общаясь на расстоянии... Слишком многое с ним стало происходить резко. — Он говорил не осуждая, а скорее с интересом, стараясь поддержать разговор и не упустить нить.

— Тебе везёт, — лицо h, что было не таким уж редким явлением, озарила улыбка. — А я вот все эти три года был с ним бок о бок.

— Но ты же должен был заметить перемену? Насколько я понял, он все свои речи сначала на тебе репетирует, — произнёс Л, и в уголках его губ еле заметно прошли хитрые черты.

Вечер постепенно вступал в свои права. Темнота ещё не опустилась, но снег уже начинал блестеть всё ярче. Холод, словно острые стрелы, пронизывал собеседников.

— Да, — сухо ответил h и продолжил: — Я не всегда вникаю в смысл его слов. Но уверенности в них — хоть отбавляй. Да, безумной. Но представь, будь мы все нормальными... — Он не стал делать вывод, оставив фразу повисшей в воздухе, но наполненной своим особым смыслом.

Л какое-то время молча переваривал эти слова. А ведь и правда — их дружба, их странная жизнь с Н была куда интереснее любой нормальности. Нормальность была скучной.

На последней мысли он наступил на хрупкий лёд, застывшую лужу, моментально расколовшуюся под его ботинком. Лёд похрустывал, как будто ломалось что-то немаловажное.

На мгновение ему стало неприятно, даже немного страшно. Но он тут же отряхнул эти мысли, как стряхнул с подошвы осколки льда, и вернул своему лицу привычное беззаботное выражение.

— Может, ты и прав, — задумчиво проговорил Л. — Хотя, знаешь, главное, что весело. И даже с его манией захватить мир, выглядит он вполне... добрым. — Он чуть помолчал и добавил: — К тому же, с кем мне ещё в «Хойку» играть?

Возможно, привыкнув, а может, и не заметив, они ощутили, что холод отступил. Солнце на мгновение пробилось сквозь баррикаду облаков, бросив на землю одинокий луч.

— Ладно, — он посмотрел с привычной усталостью на окна домов, которые ему были по пути, — мне уже сворачивать.

— Давай, — на лице Л вспыхнула лёгкая улыбка.

Два луча, просветлённые этим мимолётным солнцем, наконец, направились по домам.

«Надо будет взять что-нибудь пожевать, — думал Л, — и попить».

На площадке, где летом играли в мяч, теперь лежало ровное, нетронутое снежное поле, напоминающее чистый лист бумаги. Его пересекала лишь одна тропинка, вытоптанная бегущими в школу школьниками, которые, не смотря на глубокий в этом месте снег, спешили к своим целям. Ветер, становившийся злее с приближением вечера, подхватывал с края поля сухой снег и кружил его в призрачном, танцующем

вихре. Точно пустота себя сама наполняла.

Свернув за поворот, не такой мрачный, каким обычно кажется вечерний переулок, но уже явно не внушающий доверия, хотя бы из-за возможных чужих ушей, по дороге домой шли Д и её подруга.

Темнота сгущалась. Солнце больше не показывалось, и погода сегодня была не самой удачной, хотя временами всё же поблёскивали лучи и искрился снег, словно символ чего-то торжественного. Но больше этого не повторялось.

Д шла чуть грустная, что по своей натуре на неё было не похоже. Грустить она могла лишь в школе, да и то по понятным каждому причинам. В обычное время у неё было две крайности: либо тотальное равнодушие, либо почти маниакальный смех, при виде которого прохожие задумывались о вызове скорой помощи.

Надо сказать, она была довольно красивой, а главное — выглядела милой. И это становилось самым изощрённым её оружием, ведь её истинная натура тяготела к потребности подавлять.

Подавлять не из злого умысла и не ради конкретной цели. Возможно, это была логическая трансформация её идей, которые она равномерно раскладывала по полочкам сознания, находясь одновременно в двух реальностях: в одиночестве собственных мыслей и в шумной компании на улице.

Она не была злой. Зло предполагает осознанное намерение причинить вред, а до этого она не опускалась. Куда веро-

ятнее, что подавление стало для неё своеобразным развлечением: самым простым и верным способом добыть себе порцию острых, долгожданных эмоций.

Может, это и не совсем правильно с точки зрения других, но она не считала это плохим. Для неё это была просто игра. И её это искренне забавляло.

Подруги вышли на дорогу, полностью усеянную ёлками, на которых лежал недавно выпавший снег.

— Красота! — восхищенно сказала подруга.

Д молча сняла перчатку. Её пальцы, побелевшие от холода, медленно, почти ритуально коснулись уже не блестящего, но все еще белого снега. Секунда — и все рухнуло, разбившись о землю серой бесформенной массой.

Потом она схватила ком снега, слепила снежок и с силой швырнула его в ствол дерева. Затем ещё один. Механические, резкие движения. Веселее не становилось, но в этом разрушении было свое странное спокойствие. Хотя бы на это можно было направить тяжёлую, бесформенную энергию, не находившую выхода.

Она смотрела вдаль, но мысли не шли. Возможно, у всех бывает такое, когда внутри одновременно и пусто, и невыносимо тесно от навалившегося. Когда каждая эмоция блокирует другую, и в итоге не остаётся ничего, кроме давящего оцепенения. Ни грусти, ни злости — просто тяжёлый штиль души, в котором вязнет любая попытка что-то почувствовать.

Она вытерла мокрую руку о куртку и, не сказав больше ни слова, пошла дальше.

Комната встретила её привычной тишиной. Пустой стол, книги, разбросанные как попало, не творческий беспорядок, а хаос, в котором давно потерялся смысл. Не снимая пальто, она упала на кровать и достала телефон.

Д: Привет. Как ты?

Равнодушие, которое она вкладывала в эти слова, было почти физическим, холодным и тяжёлым.

Н: Привет. Как раз хотел написать.

Н: Всё отлично. Революционный дух набирает обороты. Ты как?

Её вопрос проигнорировали. Что ж, она ответит тем же.

Д: Зачем? — это было о его первом сообщении.

Н: Знаешь... Я не люблю, когда остаются сомнения.

Д: И?

Н: Мне нужно обсудить с тобой кое-что важное. Стратегические вопросы.

Уголки её губ дрогнули. Внимание — даже такое, странное, — всегда было лучшим лекарством от скуки.

Д: Почему не здесь?

Секунды тянулись в мучительном ожидании. Три точки то появлялись, то исчезали.

Н: Так надо.

Н: Такие вопросы лучше в реале.

Н: Я не скажу, о чём, но если мой вопрос вызовет положительную реакцию, то ответь так...

Д: Хорошо.

Н: Отлично. Буду ждать в школе.

«Наверное, я уже догадалась», — подумала она, глядя, как последние лучи солнца уступают место ночи.

Даже немного жаль.

«Опять этот со своими «стратегическими вопросами». Вечно он строит из себя великого полководца... Не серьезно это всё.

Нет, это все смешно.

Пауза, вздох.

Но... хоть с ним не скучно. Когда он начинает нести эту свою чушь про революционный дух, это всё, конечно, очень

странно и не понятно... Но в принципе что-то новое.

Мысленная ухмылка.

Странно... Он один из немногих, кому я могу написать просто «привет» без тысяч подтекстов. Наверное, потому что он слишком увлечён своими планами, чтобы искать в моих словах скрытый смысл.

Пауза, взгляд в окно.

Чёрт. Даже не хочу признаваться себе, но с ним... проще. Не нужно притворяться какой-то милой дурочкой, как с остальными...

Он и так знает, какая я на самом деле.

Резкое движение.

Хотя иногда его наивность просто бесит. Эти его планы, эта вера... Но...

Долгая пауза.

По крайней мере, он не пытается меня «исправить». Принимает такой, какая я есть. Даже если мы никогда этого не проговариваем.

Почему он не хочет быть нормальным?

Последняя мысль, проскользнувшая у неё перед тем, как отложить телефон:

«Кажется, я ему всё-таки доверяю. Кажется, это раздражает».

И в конечном итоге, вновь бесчувственная, она пошла готовиться к вечеру.

Дорога домой пролежала через спальный район, застроенный одинаковыми бетонными коробками. Окна в них горели тусклыми, сонными точками. На детской площадке раскачивались на ветру пустые качели. Город готовился к вечеру, к обычному, ничем не примечательному вечеру, и лишь один человек нёс в себе уверенность, что этот вечер станет для него триумфальным. Н шёл, и уверенность не отставала за ним.

Тяжёлая железная дверь подъезда отворилась с глухим стоном, впуская его в знакомый полумрак. Здесь пахло особым холодом, не свежим морозным воздухом улицы, а стоячей прохладой, вобравшей в себя запах обычного, не старого, но и не нового дома. Этого холода хватило, чтобы подразнить то неуловимое чувство волнения, что начинало пульсировать в его груди: крошечные капли, лишь начинавшие наполнять сосуд души. Времени казалось много, но каждая капля приближала неизбежное.

Лифт, как обычно, не работал. Вода тоже отсутствовала не из-за бедности подъезда, а по причине каких-то глобальных, но малозначительных для этой истории событий, сотрясавших всю область.

Открыв дверь в квартиру, кратко поздоровавшись с бабушкой и братом, Товарищ Император прошёл по коридору.

Из кухни доносился ровный, звенящий гул чайника и знакомый запах варёной картошки. Там, в облаке пара, царствовала его бабушка. Её доброта была не абстрактным понятием, а материальным порывом, выразившимся в литрах борща, килограммах котлет и вкуснейшими пельменями.

Едой богов!

Вся её жизнь свелась к священному ритуалу кормления семьи. Она была готова отдать последнее, забыть о сне и покое, лишь бы на плите булькал суп, а на столе стояли свежие пирожки. Но в этой готовности к самопожертвованию заключалась и её крест: она сама запечатала себя в четырёх стенах, где её мир сузился до размера кастрюли, а главным событием дня становилась фраза «Внучек, поел?».

Её любовь была безграничной, но её вселенная, по своему согласию, — сжатой до четырёх стен.

В смежной комнате, на своём вечном месте (кресле у окна), сидел дедушка. Его молчание было густым и насыщенным, словно компот из сухофруктов, который он медленно потягивал из кружки. Жизнь оставила на нём сильные вмятины — переломы не только костей, но и планов, надежд, самой судьбы. Он редко выходил из дома, будто внешний мир был для него слишком громким и резким. Но его доброта, пройдя через все эти испытания, не ожесточилась, а стала тихой и глубокой. Он был живой летописью страданий, но летописью, которая не проклинает мир, а просто молча наблюдает за ним сидя возле телевизора.

Тусклое освещение коридора немного угнетало. С улицы веяло той же серостью, не мрачностью, а чем-то, граничащим с ней. Проходя мимо этих двух полярных, но одинаково любящих его вселенных, Н на мгновение почувствовал странный груз. Груз ответственности? Привязанности? Или просто понимания, что кирпичики «империи» строятся на фундаменте их тихого, ежедневного самопожертвования.

Открыв дверь в свою обитель и немного порадовавшись, что уроков на каникулы не задали, Н, полный решимости, рвения и волнения, уставился в окно.

«Не то...»

Батареи едва теплились, выдавая положенное тепло с явной неохотой.

«План действий.»

На автомате он потянулся к шкафу и извлёк с центральной, демонстративной полки свой дневник, толстую тетрадь в потёртом переплёте, полную планов: от ежедневных до грандиозных годовых. Стратегическому планированию он посвящал бесчисленные часы, и эта дисциплина не раз приносила свои плоды. Целые пласты знаний: теории, научные труды — всё, что будило его интерес, были освоены в рекордные сроки благодаря выкованной им воле и неукротимой мотивации.

«Итак. В моём распоряжении менее часа...».

Он начал ходить взад-вперёд по комнате.

«Д... Она... Необходим чёткий алгоритм... Ожидание, но

с какой целью? Оправдает ли результат все затраченные усилия? Даже если вероятность успеха стремится к ста процентам...»

В сознании вспыхивали и гасли искры мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.